

ИСТОРИОГРАФИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: НАУКА И ПОЛИТИКА

Т. Кондратьева

В ходе подготовки к нашей встрече я вместе с организаторами полагала, что мое исследование об аналогиях между большевиками и якобинцами¹ вполне может дать материал для предстоящего colloquium об отношениях историков Франции и России в связи с изучением Французской революции. Я написала поэтому короткий текст-заявку для такого выступления, дав ему название: «Политический дискурс в Советском Союзе и изучение Французской революции». Однако в начале лета 2006 г. при окончательном утверждении программы меня удостоили чести открыть наш colloquium. Для открытия же, мне кажется, больше подходит выступление более общего характера, а не такое, которое сосредоточено только на Советском Союзе.

Политический дискурс, шедший сначала из царской России, потом из Советского Союза, оставил след во французской историографии Революции XVIII в., так что организаторы colloquium имели достаточно оснований, чтобы поставить на обсуждение эффект зеркала. Однако в разные периоды истории такой эффект мне представляется неодинаковым в зависимости от положения и состояния «зеркала»: развернуто ли оно к России, двустороннее ли оно или разбитое.

Говоря о первом положении, следует сказать, что русские не замедлили оценить в зеркале французских событий перспективы перемен в своей собственной стране. А. Радищев, Н. Карамзин, декабристы, А. Герцен и, сокращая перечень имен, революционеры и либералы на рубеже XIX–XX вв. оставили потомкам свои подробно изложенные мысли или короткие замечания о Французской революции, рассматривая ее в свете того, что может или должно произойти в политической жизни России. Начиная с 1870-х годов, целая плеяда историков – В. Герье, П. Ардашев, Н. Кареев, Р. Виппер, П. Виноградов, – опираясь на А. Токвиля и И. Тэна, трактовала Французскую революцию таким образом, чтобы извлечь из ее опыта выводы, полезные для русской политической жизни. Рассматривая петровские преобразования как антитезу Французской революции, многие из них старались доказать, что Россия не предрасположена к революции, что она может и должна ее избежать. В 1911 г. в книге, посвященной Тэну и пользовавшейся

Тамара Кондратьева, профессор университета Валансьена.

¹ *Кондратьева Т.* Большевики–якобинцы и призрак Термидора. М., 1993.

успехом, Герье защищал ту же концепцию Французской революции, что и Тэн, выказывая, однако, еще больше ненависти к якобинцам, поскольку уже имел за плечами опыт первой русской революции 1905–1907 гг.²

Работы И. Лучицкого и Н. Кареева, в тесной связи со злободневными политическими вопросами, предлагали революционерам и реформаторам, которых интересовала судьба крестьянства и крупной помещичьей собственности в России, ознакомиться с аграрной историей Франции конца Старого порядка и периода Революции. В исторических трудах о Французской революции Ж. Жореса, П. Кропоткина и Г. Кунова русские эсеры черпали материал для дискуссий по вопросам теории, тактики и средств осуществления грядущей революции. Все эти люди, политические деятели, историки и интеллектуалы знали, чего им искать в истории Франции и потому находили в ней подтверждение своим ожиданиям.

«Двустороннее зеркало» появляется с началом установления советской власти. С двадцатых до восьмидесятых годов, французские и советские историки не остаются ни глухими, ни безразличными к советскому политическому дискурсу, занимая ту или иную позицию в отношении внешней и внутренней политики Советского Союза, Франции и других стран и внося своими трудами вклад в создание того, что называется «историческим временем». Конечно, они делают это по-разному, каждый в соответствии со своим опытом, коллективным и индивидуальным.

При демократическом режиме государство не имеет рычагов для руководства исследованиями, не вмешивается в историографию. Плюрализм концепций Французской революции и споры по вопросам ее хода и ее природы оказываются тогда уместными, само собой разумеющимися. В историографии есть и марксисты, и либералы, и явные противники марксистского детерминизма. При авторитарном режиме и однопартийной политической системе принцип партийности в науке и культуре и правило «приводного ремня» обязывают придерживаться одной схемы объяснения Французской революции, подчиненной марксистскому детерминизму. Возможности творческого маневра для историков при таких условиях очень ограничены.

Выступления коллег, которые последуют за моим, конечно, принесут уточнения и комментарии по поводу условий работы, споров, профессиональных и человеческих отношений при обоих режимах. Я же, со своей стороны, хочу лишь в виде вводного тезиса привлечь внимание к контрасту между двумя историографиями, который в течение шести десятков лет подчеркивали интеллектуалы, журналисты и сами историки. Этот контраст казался огромным и с советской стороны,

² Герье В.И. Французская революция 1789–1795 гг. в освещении И. Тэна. СПб., 1911.

и с французской. Сегодня причины такой оценки состояния дел вполне ясны. Они напрямую связаны с пропагандой и доминирующим понятием того, что такое Наука, как в Советском Союзе, так и во Франции. Авторы, как и читатели, верили в Науку. Она в их глазах имела сакральный статус по строгости методов, эрудиции, объективности подхода к фактам. В западном мире все желали иметь такую Науку, которая подчеркнута дистанцировалась бы от политики. Наука с большой буквы должна была быть вне идеологических битв, человеческих страстей, политической конъюнктуры. Не отвечая таким требованиями читающей публики на Западе, продукция советских историков считалась слишком политизированной и идеологизированной, т.е. лишенной научной ценности. Напротив, с французской стороны существовала уверенность в том, что научные критерии строго соблюдены на свободном Западе. Что же касается Советского Союза, то наука имела здесь официальное определение «пролетарская». Если судить по видимости, то такое понятие разделяли все историки. Те же, кто втихую не соглашался с идеологизацией и политизацией их предмета исследования, верили в большую Науку, объективную, существующую в западном мире или в идеале.

В течение многих десятилетий черты различия между двумя историографиями подчеркивались и даже утрировались с обеих сторон. После перемен конца восьмидесятых годов и в эпистемологии социальных наук, и в международных отношениях резкий контраст между двумя историографиями стерся. И теперь можно спросить, действительно ли только дух «партийности», требуемой официально от советских историков, отличал их работы по Французской революции от тех, которые публиковались на Западе? Прежде чем дать ответ на этот вопрос, я позволю себе расставить акценты по поводу событий в историографии Французской революции, которые нам всем известны.

Начну с того, что к середине XX в. во Франции множественность концепций, считающихся «научными», позволяла удовлетворить запросы всех политических партий. Контрреволюционеры могли опираться на П. Гаксотта, либералы ссылались на А. Тьера и О. Минье, радикалы имели свою версию революции, созданную пером А. Олара, социалисты черпали из трудов Л. Блана и особенно Ж. Жореса, коммунисты – из трудов последователей Жореса, каковыми были Э. Лабрусс, А. Матьез и Ж. Лефевр. К этому можно добавить, что именно политические деятели, такие, как Ж. Жорес, Л. Барту или Э. Эррио, являлись инициаторами или сторонниками фундаментальных публикаций документов и открытия центров по изучению Французской революции.

После Второй мировой войны можно вспомнить четыре эпизода широких дискуссий между профессиональными историками, где за научными дебатами явно угадывались политический контекст и политические ориентации их участников.

Первый эпизод начинается с публикации в 1946 г. Д. Гереном, сторонником Л. Троцкого, работы «Классовая борьба при Первой республике (1793–1797)»³. Критика единодушно выступила против его парадоксального тезиса о том, что санкюлоты представляли собой политический авангард революционного движения, а радикализация политических процессов во II году Республики была предвестием «пролетарской революции». Год спустя А. Собуль, отбросив крайности концепции Герена, развил тезис об относительной автономии санкюлотского движения по отношению к монтаньярам. Его работа вызвала недовольство в компартии, членом которой он состоял. Если советская газета «Правда» атаковала Герена, то Ж. Попрен в органе французской компартии *Cahiers du communisme* сурово раскритиковал Собуля (февраль 1952 г.). С точки зрения исторического материализма было недопустимо представить политическую линию левее Робеспьера и признать какую-либо автономию за городской толпой. Для руководства французской компартии Робеспьер, как и Сталин, воплощал построившее буржуазное общество, очищенное от врагов и умиротворенное. Не сдавая своих научных позиций, Собуль поблагодарил товарищей за то, что отметили слабые места в его работе и выступил с критикой Герена на страницах теоретического органа партии *La Pensée* (январь–февраль 1954 г.). В 1958 г. Собуль опубликовал свою работу о санкюлотах⁴, несмотря на давление партии. При этом, критики Собуля «справа» осудили его работу как чисто коммунистическую, а сам он со всей силой обрушился на Герена.

Второй эпизод связан с шумихой, поднявшейся по поводу доклада Роберта Палмера и Жака Годшо на VII Международном Конгрессе историков в Риме (1955 г.). Палмер и Годшо нарисовали картину распространения единой, «атлантической» революции в XVIII в. в Старом и Новом Свете. В представленной ими перспективе Французская революция теряет свою уникальность, становясь лишь одной из многих революций, происходивших тогда в Америке, Швейцарии, Ирландии и других странах. Академические и университетские круги во Франции и в Советском Союзе, а также Ж. Рюде в Англии, А. Сайтта в Италии, В. Марков в ГДР вознегодовали, указывая на американское влияние на обоих докладчиков. Политическая полемика разгорелась с тем большей силой, что в 1956 г. публикация книги Годшо⁵ была профинансирована Фондом Рокфеллера и Принстонским университетом.

³ *Guérin D.* La lutte de classes sous la Première République. Bourgeois et « bras-nus » (1793–1797). P., 1946. 2 vol.

⁴ *Soboul A.* Les sans-culottes parisiens en l'An II: mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire 2 juin 1793–9 thermidor An II. P., 1958. Русск. пер.: *Собуль А.* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года – 9 термидора II года. М., 1966.

⁵ *Godechot J.* La Grande nation: l'expansion révolutionnaire de la France dans le monde de 1789 à 1799. P., 1956. 2 vol.

Конечно, атмосфера «холодной войны» давала о себе знать, но нужно признать, что и со стороны историков научная продукция появлялась не вследствие непорочного зачатия.

Третьему эпизоду положила начало открытая лекция Альфреда Коббена, прочитанная в 1954 г. Подчеркнем особую международную напряженность этого года. Профессор Лондонского университета поставил под вопрос всю «классическую» историографию Французской революции. Свое выступление он хотел назвать «Была ли Французская революция?», но в последний момент, избегая излишней провокационности, заменил название на несколько двусмысленное – «Миф о Французской революции». Предприняв наступление на научном фронте, Коббен получил научный же ответ со стороны Лефевра. Тот, приведя исторические аргументы, вместе с тем выразил неодобрение «политической провокации», которую почувствовал у Коббена. Можно подумать, что не наука, а «холодная война» продиктовала Лефевру следующее заключение: «Его [Коббена] критика отражает идеологическую эволюцию господствующего класса под влиянием демократического нажима и, особенно, под влиянием русской революции; чувствуя себя под угрозой, этот класс отвергает революцию своих предков, которая обеспечила ему первенство, так как усматривает теперь в ней опасный прецедент»⁶. В 1974 г., признавая прозорливость некоторых наблюдений и допуская правомерность некоторых утверждений Коббена и его продолжателей, Собуль, тем не менее, ответил им в том же духе, что и Лефевр, заключив, что в целом англо-саксонская концепция неприемлема.

В центре четвертого эпизода – Франсуа Фюре и Альбер Собуль. Они вели самые широкие споры по существу исторических событий, но вместе с тем политическую, идеологическую и институциональную дуэль. С самого начала эпизод был отмечен духом политических дебатов, академической конкуренции, однако каждый из протагонистов силился доказать, что он один действует в соответствии с правилами высокой Науки. Так Фюре, заглядывая в «зеркало» и видя, в конечном счете, там ГУЛАГ, отказывался признать всю «классическую» историографию. Он противопоставил нарративной традиции во славу того или иного героя (Дантон у А. Олара, Робеспьер у А. Матьеза, санкюлоты у А. Собуля), той или иной революции («народной» у Ж. Мишле, буржуазной у многих других, крестьянской у Ж. Лефевра) свой новый подход, предложив «поразмышлять о Французской революции» (*Penser la Révolution française*)⁷. Собуль и подавляющее большинство профессионалов и интеллектуалов как во Франции, так и в других странах, сочли

⁶ Цит. по: *Bétourné O., Hartig A. Penser l'histoire de la Revolution. Deux siecles de passion française.* P., 1989. P. 128.

⁷ *Furet F. Penser la Révolution française.* P., 1978. Русск. пер: *Фюре Ф. Постигание Французской революции.* СПб., 1998.

своим «научным» долгом защитить наследие либеральной и республиканской традиций французской историографии, накапливающей силу с XIX в.

Книга Фюре вызвала бурю «слева» и привлекала внимание правых. Ее научная ценность не была очевидной в семидесятые годы, но после празднования 200-летия стало ясным, что Фюре проложил новый путь исследований между политическим и культурным полюсами. Мог ли он действовать без такого шума, разрывов и ссор? Наверняка нет. Способ действия зависит от темперамента историка и выбора места действия. Фюре хотел создать новое пространство для исследований между правыми (П. Шоню) и левыми (М. Вовель). Но в отличие от Фюре, Вовель, человек другого склада, сумел создать новое пространство для исследований без разрыва с традициями. Наоборот, он даже вернулся к забытой религиозной истории, которая в другое время и по-другому занимала Олара и Матьеа. Тем не менее, способ действия Вовеля не получил одобрения у руководства компартии и вызвал недоверие со стороны ортодоксов марксизма.

Я упомянула обо всех этих историографических событиях, дабы подчеркнуть, что в течение всего периода с 20-х до 80-х годов XX в. Французская революция была предметом пристального внимания, в котором научный интерес и политический запал неотделимы друг от друга. Однако требование необходимости отделять Науку от политики, Науку от идеологии, вытекавшее из господствующего представления о Науке, сильно влияло и на восприятие происходящего, и на оценку трудов исследователей. С одной стороны, это представление сеяло среди французских историков страх быть осужденными за идеологизацию и политизацию своих трудов таким образом, что сциентизм, объективизм и академизм сковывали их научные исследования и дискуссии. С другой стороны, советские историки были либо убеждены, что марксистская, «пролетарская» наука представляет собой единственно правильную науку, либо, будучи не совсем убежденными в этом, вынуждены были защищать ее как таковую. В результате «зеркало», о котором у нас идет речь, давало искаженные изображения с двух сторон и так было до тех пор, пока сила трех однонаправленных ударов не разбила его.

Под «ударами» я имею ввиду эпистемологические перемены в социальных науках, разрушение «берлинской стены» как символа коммунистического господства и празднование двухсотлетия Французской революции, которое положило конец двухвековому спору «за» или «против» Революции⁸.

Сегодня нет ничего ужасающего или недостойного в утверждении о том, что вся историография Французской революции несет на себе

⁸ См.: Introduction // Pour ou contre la Révolution / Sous dir. A. de Baecque. P., 2005.

следы идеологии и пропитана политикой, что сюжеты научных работ отзывались эхом либо внутриакадемической борьбы, либо политических симпатий авторов. Историк может не стыдиться того, что занимается профессией, которая требует от него сознания/признания принадлежности ко времени, влияющему на его труд. Формула, «историк – продукт своего времени», много раз повторенная вслед за Бенедетто Кроче, оказывается, наконец, включенной в понятие Науки. Она находит свое оправдание и свое обоснование в пересмотренном понятии Науки, которое признает за историей, как и за другими общественными науками их специфичность, называемую «историчностью».

При таком представлении о Науке вовсе не надо отбрасывать университетскую историю, отмеченную «республиканской педагогикой» или марксизмом, чтобы продвигаться дальше. Напротив, можно и должно интегрировать все достижения эрудиции, метода и источниковедения, чтобы прошлое стало понятнее, проясняя тем самым настоящее или удовлетворяя его тягу к знанию. Историчность не лишает историю научности, но утверждает ее статус «науки о человеке во времени». При таком методологическом подходе историография, представления людей о событиях и резонанс этих представлений в коллективной памяти становятся интереснее самих событий прошлого. Освободительница от вериг объективизма, историчность открывает доступ к исторической памяти, богатой разного рода опытом, который не может быть очищен от своих идеологических и политических составляющих. В то же время, ссылка именно на нее предоставляет нам возможность выразить наше уважение к коллегам, о которых мы храним память как о достойных ученых. Вместо того, чтобы пытаться отделить то, что научно в их наследии, от того, что политично, стоит уважать тех, кто умел работать, избегая легких путей. В конечном счете, можно утверждать, что политический неконформизм в случае франко-русского «зеркала» оказывается более ценным и достойным уважения, чем сциентизм. Тем более, что речь шла о будущем демократии и правах человека. О них и сегодня продолжает идти речь. Таким образом, если вопрос о взаимозависимости политики и истории прояснился с переменой парадигм в социальных науках, то заменивший его вопрос об этике и истории стал весьма актуальным.